

нового времени всегда имеет дело со ставшим или определенным предметом, предшествующим рефлексии, и в этом смысле можно говорить о предмете как факте сознания, а о философии нового времени как о феноменологии.

Понятие «формы» выдерживает испытание на адекватность реальному положению дел. Философия как минимум заслуживает того, чтобы ее выслушали, и как следствие претензии научного мышления на исключительность в объяснении мира выглядят безосновательными.

А. В. Добин

ТЕОРИЯ «МЕРИТОКРАТИИ» ШРИ РАДЖНИША

Шри Раджниш (1931–1990) — один из наиболее «политизированных» представителей неоориенталистской духовной культуры. В своих многочисленных выступлениях он достаточно часто касался и различных проблем, связанных с политикой. Будучи представителем «контркультурного» фронта неоориентализма, Раджниш известен прежде всего своими критическими высказывания относительно самых различных аспектов политики, ее теории и практики.

В своих дискурсах Раджниш критиковал практически все известные политические идеологии и соответствующие им политические режимы: социализм—коммунизм (он их практически не разделяет), фашизм, в поздний период своего творчества — и западный либерализм, опирающийся на демократические политические институты (Раджниш вообще отрицает существование в настоящее время где-либо действительной демократии. Фраза «двадцать одно так называемое демократическое государство» — а именно столько стран в свое время запретили Раджнишу появ-

Добин Александр Васильевич — доцент кафедры философии СПбГУВК

ляться на своей территории — едва-ли не ритуальная в раджнишианстве).

Раджниш критикует и политику как таковую, поскольку считает, что по сути своей политика «излишняя». Она неспособна удержать общество от потрясений в экстремальных ситуациях. История современной ему Индии предоставляла массу примеров этого — политики не смогли или не захотели предотвратить разделение Индии, им не удалось погасить межобщинные конфликты и т. д.

Кроме того, политика в действительности сама по себе при всех, даже самых радикальных институциональных трансформациях, неспособна осуществить и какие-то позитивные реформы в обществе. Это, опять же, подтверждает опыт Индии, страны, лидеры которой предполагали, что после изменения политической ситуации и институтов (изгнания англичан, проведения подлинно свободных выборов, создания правительства, ориентированного на защиту национальных интересов) индийское общество совершит скачок к процветанию и миру. Политики-реформаторы, с горечью отмечал Раджниш, «всегда обманывали вас». Они говорят: «Если есть демократия, страдания не будет. Если есть независимость, страдания не будет. Если есть социализм, страдания не будет. Если есть коммунизм, страдание исчезнет. Но вот демократия есть, а страдание продолжает нарастать, накапливаться». Суждение, актуальное и для России. Социализма нет, страдание по-прежнему накапливается.

Раджниш, будучи совсем молодым человеком, общаясь еще до обретения Индией независимости с индийскими диссидентами, указывал им на то, что и «после независимости проблемы останутся теми же самыми, может быть, еще хуже». Практика доказала, что он прав. При англичанах, — отмечал Раджниш, — «за триста лет не было совершено ни одного покушения на британских генерал-губернаторов. Сейчас можно покушаться на премьер-министра».

Кроме политики как таковой, Раджниш критикует и политиков. Политики, по его мнению, это люди, которые

занимаются политикой только по каким-то своим эгоистическим, прагматическим соображениям. Они вообще не имеют в виду общую пользу, вся их деятельность в лучшем случае направлена на достижение собственного материального благополучия, в худшем — на вовлечение людей в различные иррациональные и разрушительные конфликты (вроде войны за «территориальную целостность»), которые делают политика фигурой значимой и полезной. Собственно политик может и не может быть чистым прагматиком. Он может говорить о каких-то идеалах и искренне верить в истинность того, о чем он говорит. Но при этом сама его устремленность в сферу политического, сферу институциональных изменений указывает на его личностную и интеллектуальную ущербность. Ошибочна и сама нацеленность политика на изменение общества, институтов. Реальный общественный прогресс, считает Раджниш, достигается прогрессом каждой конкретной индивидуальности, а изменять индивидуальности могут только «учителя», но никак не политики.

Неэффективность и даже опасность политики иллюстрировала современная ему международная ситуация. Раджниш оценивал ее вполне апокалиптически, неоднократно утверждая, что мир находится на грани ядерной войны, от которой политики, постоянно разжигающие межгосударственные конфликты, не могут спасти человечество. Оценка современной ему политической ситуации как предельно критической, побудила его в 1984 г. в дискурсе, первом, после трех лет молчания, выдвинуть свой собственный проект «меритократии» — общественного устройства, при котором «высшие должности занимают наиболее талантливые люди, где высшие достоинства доминируют и влияют на более низкие уровни». Скорее всего, на формирование этой теории наибольшее влияние оказали взгляды Сократа и Конфуция. Влияние Сократа сказывается в отрицании Раджнишем возможности создания эффективного общественного устройства, основанного на прямом и равном голосовании (руководителя невозможно выбрать, как невозможно выбрать кормчего или врача). Влияние Конфуция — в формулировке самого

принципа «меритократии» и в предлагаемом механизме его конкретной реализации, напоминающем известную конфуцианскую экзаменационную систему отбора чиновников на госслужбу.

Управлять общество, считает Раджниш, должны люди, обладающие наивысшими моральными и интеллектуальными качествами. Таких людей можно найти при помощи выборов, но только в том случае, если вся процедура будет сопровождаться определенной системой цензов.

Раджниш делит выборы на два уровня. Первый — низший, его можно назвать муниципальным, предполагает, что голосовать может лишь тот, кто учится в высшем учебном заведении или закончил его. Баллотироваться может лишь тот, кто закончил вуз со степенью бакалавра. Кандидат в руководители муниципального органа должен иметь степень магистра. На втором, «государственном» (губернаторском, парламентском, президентском) уровне, степень бакалавра — минимум для избирателей, степень магистра — для кандидата. Чем выше степень, тем на больший пост может претендовать кандидат. Кандидат в губернаторы должен иметь докторскую степень, а также почетную степень по литературе или праву. Кандидаты в президенты и вице-президенты должны иметь две докторские степени, из них одну по философии, а также по одной почетной степени доктора литературы или права.

Когда таким образом во главе передовых стран станут наиболее достойные, нужно созвать съезд из представителей интеллигенции этих стран для того, чтобы они написали первую всемирную конституцию, которая станет «декларацией всего человечества», упразднит нации и политические границы между государствами, сделав их чисто функциональными единицами, а не отдельными державами. Раджниш ничего не говорит о базовой ценности такой декларации, но вероятнее всего он мог бы назвать в качестве таковой право человека быть самим собой.

Необходимо, отмечал Раджниш, чтобы власть от политика перешла к ученому. Механизм этого перехода обозначен в его работах. Но далее, утверждает он, от ученого власть должна перейти к мистикам, «диктату-

ре»просветленных». Как это возможно — в его дискурсах, увы, не сказано. К тому же, предлагаемая цензоровая система опирается на систему высшего образования. Но ведь сам Раджниш говорил: «Наши университеты являются центрами Авидьи, и их ректоры являются ректорами Авидьи. Из этих центров распространяется только Авидья». Это противоречие также остается неразрешенным.

Е. В. Желудева

Ж.-М. ГЮЙО КАК ПРЕДВЕСТНИК СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В конце XIX в. стала складываться новая — социологическая — ориентация эстетической мысли. Социологическая эстетика формировалась в полемике и с традиционной философской, и с новой психофизиологической эстетикой, извлекая из социологической теории много ценного для выявления социальной обусловленности художественного творчества и эстетического восприятия. Она была пронизана духом позитивизма, с характерной для него апелляцией к научности, положительному знанию, отказу от всего метафизического, трансцендентного.

Острота социальных противоречий, вызывавшая во Франции XIX в. один революционный взрыв за другим, вела и к тому, что, вопреки позитивистской индифферентности к эстетической проблематике, интерес к искусству становился подлинным для многих течений французской общественной мысли.

Не удивительно, что эта проблема оказалась центральной и в эстетике французского философа Жан-Мари Гюйо (1854–1888), когда-то одного из наиболее читаемых в

Желудева Елена Вадимовна — аспирантка кафедры истории философии СПбГУ